

В нашей коммуне десять ребят. Мы живем в Крыму, в степи. У нас нет ни моря, ни речки, ни пруда, нигде нет воды. А степь ровная, ровная, как наш стол. Когда мы играем в степи, иногда хочется спрятаться за холмик или залезть в канавку, но нет ни холмика, ни канавки. И деревьев нет, и кустиков нет. Даже цветочки редко бывают в степи.

Но зато у нас большой белый дом. Там живут не только дети, но и взрослые. Они с одной стороны дома, а мы — с другой.

А во дворе — конюшня, коровник, свинарня, овчарня. И много, много скота. И птичий двор есть. Вот сколько добра у нас!

Больше всего мы любим лошадей. Но обаяние любимица — это золотоволосая молодая лошадка Зоговка. Зоговка — это значит „золотая“ на нашем еврейском языке.

Как только мы вбегаем в конюшню, мы прежде всего подбегаем к Зоговке. Все мы становимся вокруг нее, подолгу на нее смотрим, ласкаем. Нам кажется, что она по очереди на нас смотрит:

— Да, — говорит грустно Лиза, — она была очень веселая. Но вы помните, она, как ожеребилась, жила только два дня, и ее не стало. Ах, как она мучилась эти два дня!

Лиза прячет голову в плечи и вся вздрагивает. Мы все смотрим на Лизу испуганными глазами. У Нёмы даже слезы показались в глазах. Все

Большая дверь сарая открыта настежь.

— Где же Зоговка? — спрашиваем мы друг друга.

Нема забегает за дверь кожошви, за ним остальные, и мы все останавливаемся. Мы стоим молча, изумленные, пораженные. Зоговка стоит совсем здоровая, точно с ней ровно ничего не случилось.

Но рядом с Зоговкой... рядом с ней стоит крохотный серый жеребёночек. Он весь какой-то бархатный, гладкий. Ушки мягкие, мордочка вся точно плюшевая, ножки тоненькие, на них мягонькие ногти. И весь такой малюсенький, что так и хочется взять его на руки. Мы не решаемся подойти к нему поближе, так и кажется — тронешь его, и он упадет.

Послышались восклицания: — Ой, какой хорошенький! Какой чудесный! Маленький! Жеребенок наш. Красавчик! Ой! Ой!..

И вдруг Дон замечает, что у жеребчика на лбу несколько тоненьких белых полосок. Они так смешно переплетаются. Точно их кто-то нарисовал для красоты.

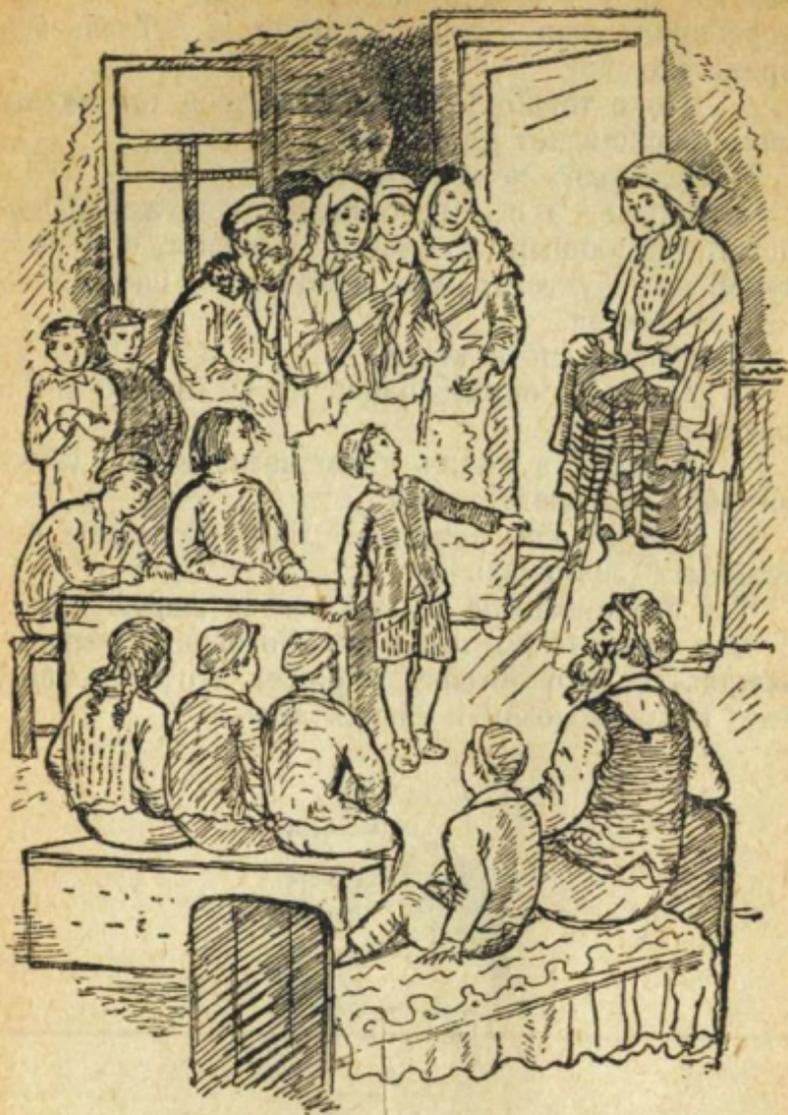
Нашему восторгу нет конца. В своей радости мы совсем забыли про Зоговку. Нам даже показалось, что она обиделась. По крайней мере она не смотрит ни на нас, ни на жеребчика. Нам стало жаль нашу любимицу. Мы подвинулись к Зоговке и стали ласкать ее.

Ветер, поднявшийся еще вчера с вечера, бушует сегодня еще с большей силой. Наше платье рвет

Смотрите, как оно испачкано! Разве вы не могли взять для этого рогожку? Я очень сердита, и ко мне в свинарню не ходите больше! Я сама там управлюсь, без вашей помощи, а то еще каких-нибудь глупостей наделаете.

Дети растерялись. Они ничего не ответили. По как только Ноэми повернулась и ушла, все заволновались, заговорили.

На следующий день мы за чаем обсуждаем, как же нам все-таки назвать жеребенка. Мы перебираем одно имя за другим, а Рейзеле все время хохочет.

— Что с тобой, Рейзеле? Что тебе так смешно? — спрашивает Дон.

Рейзеле едва может ответить.

— Знаете, я все вспоминаю: вот жеребенок лежит укутанный клетчатым одеялом, и у него такой вид, будто это его собственная шкура, такая клетчатая.

И Рейзеле снова хохочет.

— Да, да! — обрадовались мы, — именно так и казалось.

— Давайте, в память этого назовем его „Клетчатый“ — предлагает Дон.

— Вот хорошо придумал! Идет! Согласны, согласны! — закричали все.

Так это прозвище и осталось за жеребенком.

Вот почему мы называем Зоговкина сына — Клетчатый. Но Зоговке, впрочем, это все равно. Она такая молодая и глупая мать.

14934

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ ИГРЫ
ДЕТГИЗА

